Тигр с сигаретой

Когда я, борясь с зевотой, пришел утром в школу, Цукимори нигде не было видно.

Разумеется, все в нашем классе обратили на это внимание.

Усами поглядывала на меня с того момента, как я зашел, видимо, желая расспросить меня о ней.

Это было не похоже на обычную Усами. Наверное, она все еще не могла прийти в себя после своего признания.

Я прекрасно могу представить, как Усами переживала и ворочалась в кровати, чувствуя сильное сожаление насчет этих необдуманных слов.

Внезапно наши глаза встретились. Она сразу же отвела взгляд, причем ее уши и шея ярко покраснели.

Похоже, мой прогноз оказался верным.

Я не смог сдержать улыбку, наблюдая за ее забавным поведением.

- Что случилось, Усами?

- Э? Ч-что? Что? Что должно было случиться? - она так сильно начала заикаться, что даже вскочила на ноги.

- Разве ты не хочешь меня о чем-то спросить?

- Нет! Не хочу! Пока нет! Я должна еще немного собраться с духом! Я пока не хочу это слышать!

А, так вот в чем дело.

Мысленно вздохнув, я помог ей успокоиться, мягко спросив: «Разве ты не хочешь спросить меня насчет Цукимори?»

- А-а-а, так вот что ты имел в виду, - облегченно вздохнула Усами. - Да, верно. Почему она сегодня отсутствует?

Усами, сидящая за партой сразу позади меня, начала двигать головой туда-сюда, словно маленькая обезьянка.

- Кто знает. Возможно, она простудилась из-за дождя? - неясно ответил я.

Ни Цукимори, ни полиция не запрещали мне говорить об исчезновении ее матери, но я не хотел ничего рассказывать об этом моим одноклассникам. Я решил быть деликатным по отношению к чувствам девушки.

Я прекрасно понимал, что такая симпатия не свойственна моему характеру, но не мог ничего с этим поделать, поскольку увидел ее в ужасающе подавленном состоянии, гораздо худшем, чем я мог себе представить.

Более того, если я кому-либо расскажу насчет ее матери, меня наверняка замучают вопросами,

откуда я знаю об этом. Всего лишь мысленно представив, что будет, если мои одноклассники, особенно Камогава и Усами, прознают о том, что я был у нее дома, у меня появились признаки головной боли. Поэтому мой ответ и был таким неясным, ведь я еще и защищался.

Я смертельно устал из-за того, что всю ночь не спал, а также из-за того, что перенапряг мозги. По крайней мере, я не хотел больше неприятностей.

- Может, стоит навестить Ёко-сан?

Нет, я же сказал, хватит неприятностей.

Я вздохнул и с упреком спросил: «А как же клуб?»

- Хм…

Усами посмотрела на меня, словно щенок, пытающийся угадать настроение хозяина.

- Даже не думай пропускать, - предупредил я ее.

- Хорошо, я знала, что ты это скажешь…

Усами развалилась на парте.

- Раз так, то не стоит даже думать об этом!

- Но я волнуюсь! - начала оправдываться Усами, все еще лежа в прострации на парте.

- Я просто предположил, что она, возможно, простудилась. Мы же не знаем точно. Поэтому можешь позвонить ей, если она и завтра не появиться.

Как бы там ни было, похоже, у меня нет другого выхода, кроме как позвонить Цукимори и сказать ей, что она простудилась. Эх, я плохо умею врать.

Но с радостью увидев, как Усами послушно кивнула, лежа одной щекой на парте, мое напряжение немного спало.

- М-м-м, хорошо.

Школьная жизнь была более мирной, чем обычно.

Из-за отсутствия Цукимори притихли даже Камогава и его единомышленники.

Я уже давно не чувствовал такого спокойствия.

С тех пор, как я подобрал тот листок, Ёко Цукимори заняла особое место в моей жизни. Разумеется, говоря особое, я подразумеваю совсем другое, нежели все остальные.

Я, один лишь я знаю ее секрет: рецепт убийства.

Я внимательно наблюдал за ней, принимая во внимание этот рецепт. Я очень аккуратно общался с ней, поскольку предполагал, что она убила своего отца.

В результате, я никогда не мог расслабиться, если она находилась поблизости. Однако эти дни,

похоже, подошли к концу.

Я дотронулся до нагрудного кармана.

- Думаю, нам скоро придется попрощаться.

Я удивился тому, насколько печально прозвучали эти слова.

Скорее всего, эти дни, вращавшиеся вокруг Цукимори и рецепта убийства, были мне дороже, чем я думал.

Видимо, в этом и была причина некоторого одиночества, которое я ощущал, возвращаясь к своей привычной мирной жизни.

Вследствие множества происшествий, касающихся рецепта убийства, я пришел к следующему заключению:

Ёко Цукимори никого не убивала.

Я не знаю никого настолько же умного и решительного, как она, но оценивать кого-либо так однобоко - это значит начинать с неверной предпосылки.

Однако с моей точки зрения, она была вполне нормальной девушкой, когда вела себя на похоронах своего отца как заботливая сестра или когда стояла, как вкопанная, перед экраном, отображающим последние слова ее матери, ну или что бы они там ни значили.

Разве не она говорила, что убийство - это глупый и легкомысленный путь? Настолько умная… умнее всех остальных, кого я знаю… она бы никогда… ни при каких обстоятельствах… не стала бы прибегать к убийству. Я даже не могу придумать, зачем ей это делать.

В конце концов, я просто не могу представить ее убийцей.

Некоторое время Цукимори не ходила в школу.

В первый день все сохраняли спокойствие. Однако во второй день в классе началась суматоха, поскольку все беспокоились о ней.

Как и следовало ожидать, всеобщее внимание было направлено на меня, поскольку мы работаем в одном кафе. Но я косил под дурачка, как и планировал.

Что после этого началось! Предположения порождали предположения, которые становились слухами. И на третий день имя Ёко Цукимори было у всех на устах.

Она в госпитале, потому что обострилась ее простуда. Ее похитили и держат в заложниках. Она снимается в Голливуде. В нее с первого взгляда влюбился принц и забрал в свою страну, чтобы жениться на ней. Такие абсурдные слухи были повсюду. А я лишь втихаря посмеивался.

Ходит Цукимори в школу или же нет, но она всегда в центре внимания. Я еще раз убедился в

том, насколько же выделяется эта девушка.

Однако на четвертый день возникли слухи, от которых мне было не до смеха.

Цукимори помогает полиции с поисками друзей и знакомых ее матери, а также посещает места, куда могла бы отправиться ее мать. Выкладываясь по-полной, у нее даже не хватает времени на сон.

Источником этих слухов был ученик, у которого родственника вызвали в полицию.

Эта информация распространилась по школе со скоростью чумы. Подкрепленные информацией, подтверждавшей исчезновение ее матери, слухи стали истиной на следующий понедельник.

А затем, еще через одну неделю, закончился непрекращавшийся дождь, уступив местно безоблачному синему небу.

Ранним утром того дня ее мать, наконец, обнаружили.

Но она уже была мертва.

Ее нашли на склоне холма, который находился недалеко от элитного жилого района.

На его вершине был маленький парк, с которого открывался вид на весь город. Границами этого парка являлись крутые обрывы, а потому он был обнесен забором, через который, однако, может с легкостью перебраться взрослый человек.

Судя по тому, где ее нашли, она упала с одного из этих обрывов.

Ее так поздно нашли, потому что она не упала на подножие холма, к тому же была скрыта от глаз посторонних цветущими азалиями, покрывавшими весь склон.

Согласно словам полицейского, который отправился на место происшествия, он никогда не видел такого прекрасного трупа. Он заявил, что красота ее матери, обрамленная пурпурными цветами, была словно картина, помещенная в рамку. Он даже ненадолго забыл, что это труп, вероятно, смущенный запахом цветов.

Представив эту сцену, я покрылся мурашками. Как бы мне хотелось самому испытать это.

Новости о смерти ее матери удивительно быстро разошлись по школе и вызвали огромную волну жалости по отношению к бедной девочке Ёко Цукимори, которая потеряла еще одного близкого родственника.

Я тоже испытывал к ней некоторую жалость. Мне было жалко ее и ее мать. Но в отличие от всех остальных, я не был удивлен. Я ожидал подобного развития событий.

Почему? Потому что я пришел к выводу, что ее мать использовала рецепт убийства, чтобы убить ее отца.

На это были две причины.

Во-первых, семейные обстоятельства.

На похоронах я услышал, что отец, мать и дочь находились в хороших отношениях с соседями. Более того, ее мать испытывала большие страдания, когда рыдала перед фотографией своего мужа.

Я решил, что семья Цукимори это дружелюбная семья с хорошими отношениями между мужем и женой.

Однако когда я увидел спальню ее матери, то усомнился в этом.

Цукимори не волновало, что ее родители спят в разных комнатах - это означало, что у них не все ладилось. Ну, трудно назвать семейную пару гармоничной, если они спят по отдельности.

Исходя из этого, я выдвинул гипотезу, что их отношения на самом деле были полной противоположностью тому, что о них думали – то есть плохими.

Во-вторых, и это главная причина - авторство рецепта убийства.

Я с самого начала был удивлен этому: почему его назвали «рецепт»? Разве это не «план»? Судя по содержанию, ему бы лучше подошло название «план убийства».

Но если я сам довольно редко использую слово «рецепт», то мне однажды пришло в голову, что преподаватель из кулинарной школы использовал бы это слово регулярно.

Когда я пошел домой к Цукимори после пропажи ее матери, я тайно стащил листок с текстом для сравнения.

Это была рукописная заметка, содержащая дополнительные пояснения к какому-то рецепту из кулинарной книги.

Содержание было не важно. Важным было то, что тот текст был написан рукой ее матери.

Я сравнил почерк заметки с рецептом убийства, и они выглядели довольно похожими. Из этого следует, что они оба были написаны одним и тем же человеком.

Иначе говоря, тайна происшествий, связанных с рецептом убийства, заключалась примерно в следующем:

Ее мать, которая была в плохих отношениях с мужем, написала и использовала рецепт убийства, сделав отца Цукимори жертвой происшествия, но не смогла справиться с чувством греха и покончила жизнь самоубийством.

В таком случае нет нужды жалеть ее мать. Грубо говоря, она получила то, что заслуживала. Я не испытывал по этому поводу никаких определенных эмоций, за исключением легкого сожаления от того, что игра в кошки-мышки подошла к концу.

Рецепт убийства потерял свою привлекательность. Мои фантазии насчет него закончились, как только умерла мать Цукимори.

Я решил, что этот предмет утонет в глубинах моей памяти и больше никогда не покажется на

свет.

Разумеется, это всего лишь мои догадки.

Я не отрицаю того, что несколько зияющих в этой теории дыр были просто заполнены моим воображением. Но я подумал, что обычный школьник высшей школы просто не сможет стать ближе к правде. В конце концов, я и сам был удовлетворен найденным решением.

Поэтому я не намеревался расспрашивать об этом Ёко Цукимори.

Однажды я попробую узнать у нее об этом происшествии, но только не сейчас.

Я хотел использовать этот момент, чтобы вздохнуть с облегчением.

С облегчением от того, что она никого не убивала.

К счастью или нет, но эти спокойные дни продолжались недолго.

Источником перемен стали слова полицейского, с которым я познакомился благодаря недавним событиям.

Наша первая встреча произошла той ночью, когда пропала мать Цукимори.

Как только я обнаружил на экране послание, то позвонил в полицию и сообщил им об этом вместо Цукимори, которая до сих пор была в шоке.

Через тридцать минут, на протяжении которых в доме стояла тишина, нарушаемая только тиканьем часов и шумом дождя, прибыла полицейская машина. Из нее вышли двое: полицейский в форме и высокий человек в штатском.

- А, да, да. Ясно, ясно. Ага, это должно быть предсмертная записка! - мимоходом заявил высокий полицейский. Он представился Конаном.

Мне однажды довелось побывать на полицейском допросе. Несколько лет назад по соседству произошла магазинная кража.

В тот раз к нам пришли два детектива. Но вместо того, чтобы задавать вопросы, они всего лишь предупредили нас о том, что грабитель все еще на свободе.

Эти полицейские вели себя довольно беспечно и были одеты в тренчи и простые костюмы, тем самым напоминая офисных служащих. Но по создаваемому впечатлению они кардинально отличались от простых людей. Их острые взгляды, которые они время от времени бросали на меня, были довольно пугающими.

Я почувствовал, что это было ощущение «власти» полицейских, которые всегда подвергаются чрезвычайной опасности.

Кстати, впоследствии я узнал из новостей, что грабитель был задержан во время опроса.

Возвращаясь к текущим событиям, человек по имени Конан совсем не соответствовал моему

представлению о детективах.

Судя по внешнему виду, ему еще нет тридцати. Но исходя из взаимоотношений между ним и молодым полицейским, он, возможно, немного постарше.

Будучи одет в приталенный темно-синий костюм с белыми полосками, Конан больше походил на вульгарного жиголо, чем на детектива.

Словно желая соответствовать своему легкомысленному образу, он болтал без умолку и в результате был определен мной в разряд людей, к которым я испытываю сильную неприязнь.

- Ого, ну и милашка. Ты работаешь в шоу-бизнесе? Нет? А следовало бы! Ты всех затмишь своей красотой! Ладно, ладно, я же шучу! Кстати, сколько тебе лет, Ёко-сан? Семнадцать? Ого, а сколько у тебя сестер? Я имею в виду старших. О, у тебя нет ни одной? Совсем нет? Правда? Значит, ты единственный ребенок. Какая жалость. Это плохо. Но все в порядке! Готов поспорить, что твоя мать такая же красивая, как ты, и все еще довольно молода, верно? Ясно! Я так и думал! Эй, ты ее слышал! Мы должны найти эту леди!

Конан продолжал болтать, не обращая внимания на второго полицейского, который был явно обескуражен. Поначалу, Конан мне просто не понравился, но через несколько минут я уже возненавидел его.

И дело было даже не в его бестактном отношении к Цукимори. Я имею в виду, разве он не полицейский? Неужели именно так общаются с подавленной девушкой, у которой пропала мать?

Конан выглядел странным и совершенно неприятным человеком.

Молодой полицейский задал нам пару вопросов вместо своего начальника, вроде: «Была ли твоя мать чем-либо обеспокоена?» или «Ты не знаешь, куда она могла отправиться?».

Вздохнув, Цукимори прикрыла глаза и провела рукой по волосам: «Не имею ни малейшего понятия».

Молодой полицейский чутко и спокойно сказал ей: «Не хотелось бы такое говорить, но есть вероятность, что твоя мать пропала в связи с самоубийством. Мы сделаем все, что в наших силах, чтобы найти ее, но, пожалуйста, будь готова к худшему».

Не ответив, Цукимори слабо кивнула головой.

Ее неспешные движения и молчаливость создавали холодный, но прекрасный образ идеальной куклы.

Будучи бестактным до бесконечности, я мечтал о том, чтобы поиграть с ее хрупкой кукольной шеей и алыми губами, которые так сильно контрастировали с белоснежной кожей. На похоронах ее отца я заметил, что во время наблюдения за печальной Цукимори, похожей на полуночную луну, у меня создается особое умиротворенное настроение. Эта картина никогда мне не надоест.

Поскольку мне не нужно было отвечать на вопросы и вместо этого пришлось выслушивать бесконечную болтовню легкомысленного человека, то я заскучал и расстроился. Но благодаря чашечке кофе и возможности полностью насладиться «луной», мне удалось кое-как скоротать

время.

Через некоторое время Конан внезапно спросил меня: «Кстати, а ты?..»

Скрыв свою подозрительность, я назвал свое имя.

- Отлично, Нономия-кун, мы отвезем тебя домой. Уже второй час ночи, тебе не на чем будет добраться, верно? - предложил Конан.

Цукимори, сидящая справа, с надеждой посмотрела на меня. Сначала я колебался, но затем принял решение и поклонился Конану: «Благодарю».

Когда я уходил, она укоризненно прошептала мне на ухо: «Я не хочу оставаться одна», - и слабо ухватилась за мою одежду.

Я сделал вид, что ничего не услышал, и аккуратно разжал ее пальцы.

Разумеется, мне было неприятно оставлять ее одну. Разумеется, в данной ситуации мое присутствие ничего бы не изменило, но ей, по крайней мере, было бы с кем поговорить. Нет ничего плохого в том, чтобы дать ей хотя бы ненадолго забыть о своем горе, пусть даже при помощи моей дешевой жалости.

Однако я не смог решиться на то, чтобы возбудить подозрения Конана, который, ухмыляясь, разглядывал нас.

К моему удивлению, когда я сел на заднее сидение полицейской машины, Конан сел рядом со мной.

Заметив мой недоуменный взгляд, он рассмеялся: «Не бери в голову, я просто хотел с тобой немного поболтать».

Однако я почувствовал в его смехе власть полицейского.

Мы проговорили всю дорогу до моего дома. Хотя восемьдесят процентов слов принадлежали ему.

- Ты парень Ёко-тян, не так ли? Э? Нет? Ты же был у нее дома. Послушай, обычно парень не приходит так поздно в гости к девушке, если она не его подруга. А-а-а, сослуживцы, ясно. И еще одноклассники. О-хо-хо, значит, между вами ничего нет. Ну, ты же понимаешь, что твой милый друг и помощник чуть не начал завидовать тебе и твоей цыпочке! Верно? Разве ты не согласен? Эй, смотри на дорогу! Хотя это я не тебе! Хе-хе! - пошутил Конан, вовлекая в разговор молодого полицейского, который вел машину. - Кстати, вот мой номер телефона, мой новый приятель. Звони, не стесняйся. Это мой служебный номер. Что я хочу этим сказать? О, я всего лишь хотел прояснить, что я честен. Может, я и не произвожу такого впечатления, но мне не хватает женского внимания! Хм? Произвожу? Почему-то люди всегда мне такое говорят. Ха? Ты не это хотел узнать? Ах, не надо сдерживаться, потому что разговоры помогают расследованию. Когда мы кого-нибудь разыскиваем, то всегда рады любой информации. Никогда не знаешь, что именно может оказаться зацепкой, пусть даже поначалу это выглядит сущей безделицей. Ты можешь отрицать, что встречаешься с Ёко-тян, но, судя по тому, что я видел и слышал от нее, вы довольно близки. Поэтому если ты узнаешь что-либо, касающееся ее или ее матери, позвони мне.

И Конан начал регулярно мне названивать.

Можно не говорить, но каждый из его звонков был весьма продолжителен.

Разумеется, эти долгие разговоры меня невероятно раздражали, и я до сих пор мне не проявлял к нему симпатии. Однако я продолжал играть в его партнера, потому что решил немного воспользоваться им, ведь он хотел сделать со мной то же самое.

За то, что я рассказал ему все, что знаю, он уведомлял меня о текущем ходе расследования. Хотя этот обмен был явно не в пользу Конана, потому что вся данная мной информация была очевидной и общеизвестной. Возникает вопрос - выдавал ли он мне данные о ходе дела благодаря своей прирожденной болтливости или же он просто считал все это малозначимым.

В любом случае, меня всегда интересовали его звонки, какой бы ни была тема разговора.

Несмотря на мое мнение о самом Конане, я был заинтригован особенностями работы полиции, а его истории идеально подходили для моего хобби - фантазирования.

Наконец, все улеглось, и Ёко Цукимори собралась вернуться в школу и на работу.

Однако за день до этого в «Виктории» перед самым закрытием появился один посетитель.

- Ага, теперь понятно, почему ты не интересуешься девушками, Нономия, - подперев руками подбородок, сказала Мирай-сан, разглядывая подтянутого мужчину, который присел за столик.

Дополняя образ, этот похожий на жиголо человек бодро махал рукой в сторону кухни, а точнее мне.

- Я специально не стану спрашивать, что именно ты нафантазировала, но позволь мне заверить тебя, что ты ошибаешься.

- Тогда кто он? Твой друг? Он довольно стар для того, чтобы быть твоим другом.

- Нет, это полицейский.

- Он? По-моему, он скорее похож на жиголо, - сказала Мирай-сан и прищурилась. - Итак, что же такого ты натворил? Конечно, я всегда считала, что ты однажды пойдешь по кривой дорожке, но…

- Мирай-сан.

- В чем дело, преступник?

- Думаю, мне следует поговорить с тобой, как следует.

- Я ошиблась?

- Да. Я общался с ним - кстати, его зовут Конан - по делу об исчезновении матери Цукимори.

- Ясно, - нахмурившись, ответила она и кинула в рот кусочек шоколада с миндалем.

Видимо, она сочувствует Цукимори. Если подумать, когда Ёко перестала появляться на работе, то Мирай-сан начала вести себя гораздо тише. Ну, то же самое касается менеджера и Саруватари-сана.

Похоже, что Ёко Цукимори стала неотъемлемой частью персонала «Виктории».

- И? Почему этот Конан решил с тобой встретиться?

- Без понятия! Я бы и сам хотел это знать!

А затем Мирай-сан необычайно широко раскрыла глаза.

- Ух! Эй! Нономия! Этот полицейский только что мне подмигнул!

- Он - повеса, именно такой, каким выглядит.

- А-а-а, я так сильно хочу врезать ему по лицу…

- Пожалуйста, не надо. Он же все-таки полицейский.

- Тебе следует получше выбирать знакомых.

- Согласен…

Мне совершенно не хотелось выслушивать все это, но, к моему сожалению, она была абсолютно права.

Когда я принес заказанный кофе Конану, не имеющему ни малейшего понятия о моей неловкости, на меня обрушился нескончаемый поток слов.

- Вот это я понимаю, колючий взгляд. Я выгляжу для нее так, словно какой-то жук-пришелец. Я весь дрожу! Ты можешь мне не верить, но я не против мазохизма. Понимаешь, я испытываю слабость к таким, гм, доминирующим женщинам. Как ее зовут? Сколько ей лет? Она замужем? Пожалуйста, Нономия-кун, представь нас! - разглядывая Мирай-сан, он без умолку болтал, словно не зная слова «сдержанность».

- Тебе больше нечего делать, кроме как бездельничать здесь?

- Если бы! Я даже отменил все свои свидания! О, но я не скажу, с кем я собирался пойти на свидание, салага.

- Да мне наплевать.

- Ха, ты никогда не изменишься, - усмехнулся Конан и попробовал свой кофе. - Вау! - он радостно улыбнулся. - Хотел бы я, чтобы выдался хотя бы один спокойный день. Но даже в таком маленьком городе всегда что-нибудь да происходит. Благодаря этому, я просто завален работой. 24/7.

Конан скорчил забавное лицо и протянул перед собой обе руки.

- Тогда почему бы тебе не перестать валять здесь дурака? - спросил я. Его лицо помрачнело.

- У тебя вообще есть сердце? Мы, полицейские, тоже люди. Не будь с нами таким грубым! - он метнул в меня полный укоризны взгляд. - Одна или две чашечки кофе - это не слишком большая просьба, - сказал он, поднося ко рту чашку кофе.

Я не хотел вкладывать сарказм в свой вопрос. Я задал его, потому что на самом деле беспокоился.

После того, как происшествие с матерью Цукимори было исчерпано, у него больше не должно быть причин встречаться со мной. На самом деле, с момента обнаружения ее матери, мы ни разу не разговаривали.

Я сказал ему, что кофе в «Виктории» очень вкусный, но вряд ли он пришел сюда только ради того, чтобы насладиться им.

А далее, словно прочитав мои мысли, Конан добавил: «У тебя есть пара минут, верно? Не против уделить мне немного времени? Почему бы нам не зайти в ресторан, расположенный рядом со станцией, и немного поболтать? Я угощаю! Но позволь предупредить: это не свидание. Не пойми меня неправильно!»

Теперь я понял. То, что он пришел сюда перед самым закрытием, не было совпадением. Он что-то от меня хотел.

Я кивнул: «Конечно».

У меня не было ни малейшего понятия, зачем ему понадобился я, но поскольку я не испытывал неприязни к беседам с этим нестандартным детективом, у меня не было причин отказываться.

После работы я отправился в указанный ресторан рядом со станцией. Ждущий Конан помахал мне рукой.

Поскольку сегодня выходной, тут полно людей всех возрастов: и молодых, и пожилых.

Как только я сел напротив него, Конан протянул мне меню.

- Выбери, что нравится.

- Хорошо, какое тут самое дорогое блюдо?

Удовлетворенный моим ответом, он искренне рассмеялся: «Мне нравится эта дерзость».

- Кстати, что ты от меня хочешь? - спросил я, листая меню кончиками пальцев.

- Мне было интересно, сможешь ли ты ответить на пару вопросов насчет Ёко-тян.

Я уставился на него.

- Не смотри на меня так! Не то чтобы я хочу украсть ее у тебя.

- Интересно, что ты имел в виду.

- Я закурю, - сказал он, поднося ко рту сигарету. Он прикурил ее с помощью зажигалки, на которой было напечатано название какого-то бара.

- Ну?

Я начал в нем сомневаться.

- М-м-м, ты не против, если я не буду давать тебе никаких точных объяснений?

- Если это личный запрос, то я могу и нагрубить…

Догадался ли кто-нибудь в этом ресторане, что он на самом деле полицейский?

- Ну, поскольку Ёко-тян красавица, то я не могу сказать, что у меня отсутствует личный интерес, но в основном это касается моей работы.

- Служебная тайна?

- Ага, что-то вроде этого. Понимаешь, мне нужно быть осторожным. Поэтому не обижайся, если мои слова будут немного расплывчаты.

Конан ухмыльнулся.

Когда он так улыбается, его взор становится еще острее, чем обычно. Хотя это наверняка происходит не по его воле.

Излучаемое им ощущение власти, контрастирующее с его улыбающимся лицом, вгоняет меня в дрожь. Должно быть, это авторитет человека, который всегда подвергается чрезвычайной опасности

Как бы он ни выглядел, но Конан, вне всякого сомнения, полицейский.

- Ты подозреваешь Цукимори?

Как только я это спросил, его брови поднялись, а он сам глубоко затянулся.

- Ты так прямолинейно меня спрашиваешь… Быть умным это одно, но если ум дополнен еще и мужеством, то получается адская комбинация. Нономия-кун, не желаешь когда-нибудь поступить на службу в полицию? Из тебя вышел бы хороший детектив.

- У меня ужасная физподготовка, поэтому я с благодарностью откажусь.

- Ха-ха. Ну, тогда хотя бы не становись преступником! Если такой парень, как ты, примет их сторону, то нас, полицейских, ожидают тяжелые времена, - пошутил он и взмахом руки подозвал официантку. - Выбирай, - посоветовал он мне, поэтому я заказал самое дорогое на вид блюдо, бифштекс «Шаляпин».

Подтвердив заказ, официантка исчезла на кухне.

- Перейдем сразу к делу. Я думаю, что это происшествие… может оказаться убийством, - спокойно заявил Конан.

- Разве это не должно быть тайной?

- Понимаешь, это только видимость. Я выполнил свою работу в качестве полицейского, но сейчас это мое собственное решение, - он затушил сигарету в пепельнице. - Я никогда не хотел об этом умалчивать. Я не слишком долго тебя знаю, но понял, что ты умный парень. Ты бы и сам об этом догадался.

- Ты слишком высокого мнения обо мне, да?

Слегка усмехнувшись, Конан выглядел довольным моими подозрениями.

- Но это не пустая болтовня, я с тобой честен. Разумеется, у меня тоже есть что-то вроде скрытого мотива, поэтому я бы предпочел, чтобы ты играл за меня.

Услышав фразу «скрытый мотив», я сразу вспомнил нашу первую встречу, случившуюся несколько дней назад. «Я просто хотел с тобой немного поболтать», - сказал он в тот раз.

- Понимаешь, по время расследования я вынюхивал и здесь, и там, и пришел к заключению, что ты сейчас самый близкий к Ёко-тян человек. Поэтому подумал, что ты должен стать моим человеком, если я захочу что-нибудь о ней узнать.

Для меня было загадкой, почему Конан искал встречи со мной? Почему он давал мне подробную информацию о ходе поисков?

Если подумать, Конан никогда не интересовался одной только матерью Цукимори. С самого первого дня он также расспрашивал меня и о самой Ёко.

Если мои догадки верны, то Конан с самого начала…

- Ты с самого начала подозреваешь, что Цукимори могла убить свою мать? - спокойно спросил я.

Вместо ответа Конан глотнул воды из стакана.

После этого официантка принесла мой бифштекс. Я принял его, в то время как Конан заказал еще одну чашечку кофе.

В ресторане было много посетителей, но вряд ли кто-то еще обсуждал такую же странную тему. Я понял, что наслаждаюсь этой ситуацией.

Поглядев по сторонам и убедившись, что официантка ушла, Конан, наконец, ответил: «Тем, кто служит в полиции, приходится принимать во внимание любую возможность во всех случаях. Поэтому да, строго говоря, эту вероятность следовало учитывать с самого начала».

Это было согласие, но очень неявное. Видимо, дело в щепетильности ситуации.

Хотя это и не было отрицанием.

Я произнес эти слова от всего сердца. До этого момента один только я подозревал Цукимори. То, что внезапно появился какой-то коп и начал под нее копать, вызвало у меня отвращение. Как если бы кто-то начал придираться к тому, как я играю.

Видимо, Конан принял мой ответ как знак согласия. «Отлично! - он радостно кивнул. - Девушка! Я бы хотел еще одну чашечку кофе! И стакан воды!»

Он допил остатки кофе из полупустой чашки.

После этого мы проговорили еще час, в течение которого я подробно рассказал ему о Цукимори.

Я передал всю информацию, которую знаю, включая такие вещи, как ее популярность и успешность как в школе, так и на работе. Конечно, я умолчал о признании в библиотеке, но вместо этого рассказал ему, почему она начала работать в «Виктории» или что случилось той ночью, когда пропала ее мать. Так подробно, как только мог.

Я понял, что от этого человека ничего не смогу утаить. Поэтому решил, что для меня будет лучше, если я смогу завоевать его доверие тем, что не буду ничего скрывать.

Под конец Конан попросил меня связаться с ним, если я что-нибудь разузнаю, и сказал, что он также выйдет на связь, если я ему для чего-нибудь понадоблюсь, и после этого мы расстались.

Разумеется, я ни слова не сказал о рецепте убийства, хотя у меня и были сомнения на этот счет.

Я уже неоднократно убеждался в его детективных способностях, поэтому меня не обманывает его экстравагантный внешний вид и нетипичное поведение. Если я дам ему эту важнейшую зацепку, то он, несомненно, сможет докопаться до скрытой истины этого происшествия, чего мне никогда не достичь своими силами.

Чтобы воплотить мое желание и узнать «все о Ёко Цукимори», более эффективного средства, чем рассказать Конану о рецепте убийства не найти. Но я не смог заставить себя сделать это.

Потому что рецепт убийства принадлежал мне.

Однако я кое-что понял. Это было единственное и в то же самое время самое важное открытие.

Именно. В конце концов, рецепт убийства еще не потерял своей привлекательности.

http://tl.rulate.ru/book/6269/115398